

К. П. Баранова

**Смыслообразующий потенциал онима
Кудеяр Кудеярыч Кудеяров
в романе Т. Толстой «Кысь»**

Роман Т. Толстой «Кысь», вышедший в 2000 г., несомненно, стал заметным событием в литературной жизни России и сразу привлек внимание критиков, высказавших различные точки зрения на произведение и давших ему неоднозначную оценку. Оживленная дискуссия в критике по поводу данного романа вызвала, в свою очередь, необходимость более глубокого его исследования. В связи с этим в последнее время начала формироваться тенденция научного подхода в интерпретации романа Т. Толстой. Исследователей интересует проблемно-тематическая основа данного произведения, жанровые особенности, специфика образов персонажей, способы выражения авторского сознания, сверхтекстовые связи, приемы метафоризации и другие средства изобразительности и выразительности в их функциональном проявлении [см., например: Крыжановская, 2004, 2005; Ольховская, Попова, 2004; Павлова, 2004; Скаковская, 2003; и др.]. В то же время нужно признать, что в ономастика указанного романа почти не рассматривалась. Следует отметить лишь две известные нам статьи, посвященные исследованию имен собственных в данном произведении. Одна из них [см.: Намитокова, Скребнева, 2004] очерчивает ономастическое пространство романа; другая [см.: Скребнева, 2006] посвящена выделению в произведении ономастических полей. Таким образом, можно констатировать, что ономастика романа «Кысь» далека от изученности. Ее исследование между тем представляется перспективным, поскольку способствует раскрытию концептуального плана произведения. Имена собственные в литературном тексте вообще и в данном романе в частности обладают важнейшим качеством: они могут формировать определенный комплекс художественно значимых смыслов, который воздействует на восприятие произведения читателем на самых разных уровнях текста, от фонетико-графического до композиционного и концептуального. Бу-

дучи по своей сути наименованием художественного образа, литературный оним аккумулирует важные эстетические смыслы и в неявном виде передает их реципиенту. Поэтому рассмотрение имен собственных в аспекте их смыслообразующей активности неизбежно ведет к более глубокой интерпретации текста.

В данной статье рассматриваются процессы смыслообразования, индуцируемые литературным онимом *Кудеяр Кудеярыч Кудеяров*. Мы имеем в виду «сконструированный» антропоним, так как это имя с трехчленной структурой в тексте романа не встречается. В нем отдельно употребляются сочетание имени-отчества и фамилия. Данное имя в романе носит тесть Бенедикта, Главный Санитар, а впоследствии и верховный правитель городка. Колоритный образ Санитара занимает значительное место в произведении, входя в круг важнейших персонажей.

На наш взгляд, представляется актуальным анализ данной номинации с учетом ее проекций на современный русский ономастикон, на корпус других текстов, на смысловые доминанты структуры персонажа и на принятые в русском языке структурные модели антропонимов.

В современном русском ономастике имя *Кудеяр* не употребляется¹. Однако оно было вполне употребительным и даже обычным на Руси в XVI в. Его носили, к примеру, такие знаменитые исторические личности, как князь Мещерский и посол Муджоранов [см.: Тупиков, 214]. С этим именем известны также помещик Чуфаров и изменник Тишенков [см.: Веселовский, 168]. Такая очевидная закреплённость антропонима за русским именем определенной эпохи позволяет ему маркировать в тексте связанный с этой эпохой хронотоп и служить одним из текстовых средств локальной и темпоральной привязки действия. Представленный в романе мир городка Федор-Кузьмичска реализует собственный хронотоп, который по характеру задания может быть назван условным. Этот мир существует в пространственно-временном континууме, который весьма своеобразно ориентирован относительно реального простран-

¹ Свидетельством неупотребительности имени является отсутствие его в таких весьма авторитетных словарях антропонимов, как «Словарь русских личных имен» А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой и А. Г. Рыжковой (М., 1995), «Справочник личных имен народов РСФСР» (М., 1987), «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 2000).

ства и времени нашего мира: если место действия достаточно жестко соотносится с территорией нынешней Москвы, то время действия отнесено к неопределенному будущему, содержащему, вдобавок, гипотетическое допущение (после Взрыва). Такая неопределенность одной из пространственно-временных координат типична для жанра утопии или антиутопии. Нестандартность данного художественного хронотопа состоит в том, что он содержит в себе многообразные отсылки к различным реальным хронотопам. Такие аллюзии осуществляются (наряду со многими другими) и ономастическими средствами, которые играют в тексте роль своеобразных координат, организующих время и пространство в произведении. Отсылая к Руси XVI в., оним *Кудеяр*, таким образом, выполняет хронотопическую функцию.

Под именем *Кудеяр*, помимо упомянутых в предыдущем параграфе исторических деятелей, широко известен легендарный разбойник XVI в., чей образ увековечен в фольклорных памятниках. Полное совпадение внешней формы литературного онима (в данном случае мы имеем в виду только первый компонент номинативной единицы – личное имя) и экспонента имени столь знаменитого персонажа, разумеется, нельзя считать случайным. Действительно, тождественность означающих в большой мере гарантирует возможность реминисцентной связи имен и, соответственно, реминисцентный характер употребления онима *Кудеяр* в произведении. Такое реминисцентное имя² в художественном тексте, чтобы осуществить свою функцию отсылки к объекту иной реальности (физической или художественной) нуждается в объективирующем интенцию автора лингвистическом механизме. Им служит полное или частичное совпадение его графической оболочки с формой означающего имени инобытийного объекта, учитывая которое читатель с большей или меньшей степенью осознанности сможет связать схожие имена двух разных объектов. Впрочем, одного сходства означающих для реализации реминисцентной функции, по-видимому, недостаточно. Чтобы читатель не посчитал это сходство совершенно случайным,

² К реминисцентным именам мы вслед за А. А. Фоминым относим литературные онимы, обладающие способностью с большей или меньшей степенью определенности отсылать читателя к объектам других художественных миров (т. е. имена, осуществляющие собственно реминисценции), а также к объектам реальной действительности (онимы, совершающие аллюзии) [см.: Фомин, 2003, 168].

не несущим никакого художественного смысла, он должен установить определенную корреляцию, существующую между означаемыми онимов. Лишь в этом случае им конструируется реминисцентная связь имен, которая воспринимается (осознанно, логически или неосознанно, ассоциативно) как закономерная, а потому требующая раскрытия своего смысла. Как и сходство означающих, сходство означаемых у онимов может быть большим или меньшим и зависит от той художественной задачи, которую ставит перед читателем автор. Таким образом, выявление реминисцентного характера имени представляется возможным в двух аспектах: в плане выражения (означающего) и в плане содержания (означаемого) [см.: Фомин, 2003, 169–170].

Своей внешней формой оним отсылает, как уже было сказано, к широко известному историческому персонажу – разбойничьему атаману времен Ивана Грозного Кудеяру. Следует отметить, что в данном случае адрес отсылки (осуществляется она по отношению к художественному или реальному миру, т. е. аллюзия это или собственно реминисценция), на наш взгляд, нерелевантен, поскольку разбойник Кудеяр фигурирует как в документальных хрониках, так и в фольклорных и в литературных произведениях, и сведения о нем читатель мог получить соответственно как из исторических источников (и тогда он является для реципиента объектом физической реальности), так и из художественных (в этом случае Кудеяр – персонаж народных преданий, песен и других произведений фольклора). Более того, совсем не обязательно предполагать, что читатель сформировал фоновое знание под воздействием лишь одной какой-либо группы источников. Важно, что прецедентное имя, к которому апеллирует автор, входит в общее пространство русской культуры, где функционирует в качестве ономастического культурного знака.

Чтобы говорить о корреляции между означаемыми имен, необходимо выяснить, какая информация может входить в фоновое знание читателей о разбойнике Кудеяре. В исторических источниках отмечены три наиболее распространенные версии, касающиеся того, кем же на самом деле был Кудеяр. Согласно первой из них, он являлся опальным опричником, бандитом, который отбивал скот у местных жителей, грабил и убивал московских купцов. По второй версии, Кудеяр был баскаком – ханским сборщиком податей. Разграбив подмосковные селения и с большим богатством возвращаясь в Орду, в саратовские степи,

он по дороге решил присвоить взятую дань и поселился в воронежских землях, где стал промышлять разбоем. Наконец, весьма популярна версия о том, что Кудеяр – старший брат Ивана Грозного и сын Василия III от первой жены, Соломонии Сабуровой, претендент на русский престол. В соответствии с этим в детстве он тайно (поскольку существовала вероятность его убийства по поручению второй супруги великого князя Василия Ивановича Елены Глинской) был переправлен к крымскому хану, там вырос и под татарским именем *Кудеяр* явился на Русь чтобы заявить свои права на царство. Не добившись успеха, Кудеяр занялся разбоем.

Нужно отметить, что разбойник Кудеяр принадлежит к числу весьма популярных персонажей фольклора³ (а потому должен быть известен достаточно широкому кругу читателей). Легенды о нем записаны во всех южных и центральных губерниях России – от Смоленской до Саратовской [см., например, Легенды и предания..., 1965]. Фольклористы, исследующие предания о Кудеяре, отмечают кроме прочего, что в текстах постоянно подчеркивается амбивалентность образа: с одной стороны, Кудеяр, по существу, как бы царь (абсолютная власть над «подданными» большой территории, дворец в лесу, жена из княжеской фамилии, прислуга, богатство), но в то же время он является «благородным» разбойником, мстителем за народ [см.: Крупп, 1976; Соколова, 1970; Шептаев, 1974; и др.]. Пожалуй, наиболее известным из художественных произведений, в которых упоминается знаменитый разбойник, является изучаемая в школе (а значит, знакомая многим) поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Во второй части «Пир на весь мир» рассказана история о раскаявшемся разбойнике Кудеяре, который для отпущения грехов своим разбойничьим ножом должен «срезать дуб вековой»; прощение же он получает после убийства другого «великого грешника».

Кроме того, некоторые сведения о Кудеяре можно почерпнуть и в лингвистических источниках, ср.: *Кудеяр* – имя разбойничьего атамана (в песнях), сарат.; часто встречалось как имя собств. в [бывших] Воронежск., Тамб., Саратов., Харьковск., Курск., Орл., Тульск., Калужск.

³ По словам А. А. Круппа, «предания о Кудеяре встречаются чаще, чем предания о Пугачеве и Разине вместе взятые» [Крупп, 1976, 213–220].

губ., в легендах этих мест данное имя приписывалось татарскому сборщику податей [Фасмер, 2, 400]; *Кудеяр* и *Кудояр*, а, м. Фольк. Имя разбойничьего атамана (в песнях). Кудеяр. Сарат., Ворон., Тамб., Курск., Орл., Тул., Калуж. «С этим именем связаны многие урочища: горы, городища, пещеры и т. д. Область распространения кудеяровой памяти вправо от Волги» Сарат. Кудояр. *Предания о кудоярах*. Малоарх. Орл., Зеленин [с примеч. «по-видимому, собственное имя стало нарицательным»] [СРНГ, 16, 11].

Многие сведения о фигуре знаменитого разбойника в той или иной степени могут входить в фоновое знание читателя; на их основе и формируется общий, комплексный образ, становящийся фоном для восприятия персонажа Т. Толстой.

С учетом сказанного можно утверждать, что рассматриваемому литературному ониму нельзя отказывать в определенном сходстве его означаемого с теми представлениями, которые у реципиента связаны с именем *Кудеяр*. Действительно, изображая данный персонаж, писатель придает ему ряд черт, явно сходных с обликом легендарного разбойника.

Главный Санитар, как и атаман Кудеяр, назначен «сборщиком», но не податей, а запрещенных старопечатных книг, которые он силой отнимает у жителей городка. При этом, однако, им постоянно подчеркивается высокая духовность данной миссии, ее общественная значимость, а не собственный материальный интерес (что не мешает ему, впрочем, энергично заботиться о своем достатке). Надежную ассоциацию с разбойником Кудеяром вызывают сведения о богатстве литературного персонажа, составленном как из «награбленного» («старопечатных книг у тестя – целый склад»), так и из дарованного правителем за верную службу (Главный Санитар имеет свой роскошный терем, большое хозяйство, обширный штат слуг и т. д.). При этом огромная и уникальная библиотека, хранимая в доме тестя Бенедикта, тоже может рассматриваться как клад (и ассоциироваться складами легендарного атамана, которые, как известно, ищут до сих пор), имеющий, правда, ценность не только материальную, но и культурную. Соотнесению денотатов двух онимов способствует и указание на знатное происхождение жены Кудеяра Кудеярыча: в тексте подчеркивается, что она «роду стариннейшего, из французов». Кроме того, Главный Санитар, как и разбойник Кудеяр

(если принимать версию его царского происхождения), собирается, свергнув правителя, сам занять место Набольшего Мурзы. Свое намерение он объясняет желанием прекратить «тиранию» и «деспотизм» Федора Кузьмича, возлагая на себя тем самым миссию освободителя угнетенных, мстителя за народ. Следует заметить, что в отличие от героя легенд литературному персонажу все же удалось совершить переворот и стать полноправным правителем города. И здесь автор вновь вводит информацию, содержащую отсылку к упомянутому разбойнику. Главный Санитар (а теперь «Генеральный Санитар, жизнь, здоровье, сила») переименовывает городок, образуя название в соответствии со сложившейся традицией от своего имени – *Кудеяр-Кудеярычск*. Как известно, и в реальной действительности существует много топонимов, связываемых преданиями с легендарным персонажем (названия гор, пещер, городков и т. д.)⁴.

Из сказанного видно, что денотат литературного онима обладает достаточно высокой степенью изоморфности денотату имени разбойничьего атамана. Важное место, которое занимают в структуре означаемого общие компоненты, обеспечивает надежное соотнесение онимов и организацию реминисцентной связи. Денотат литературного имени, однако, формируется сведениями как совпадающими с тем знанием, которое имеется у читателя относительно разбойника Кудеяра, так и входящими в противоречие с этим знанием. Это приводит к тому, что реципиент хоть и вспоминает атамана, но не отождествляет героя с ним. Идентификация образов, на наш взгляд, не является целью такого пересечения информационных массивов денотатов двух онимов. По нашему мнению, речь должна идти об ассоциативной характеристике персонажа путем образования художественно значимой реминисцентной связи онимов, причем необязательно четко фиксируемой сознанием реципиента текста. Представление, связанное у читателя с прецедентным именем, становится ассоциативным фоном для восприятия номинируемого реминисцентным онимом образа, углубляет восприятие этого образа и придает ему дополнительные смысловые оттенки. В такой организации ассоциативной характеристики персонажа и состоит художе-

⁴ На территории распространения «кудеяровой памяти» расположено большое количество *Кудеяровых городков, Кудеяровых пещер, Кудеяровых гор* и т. д.

ственная функция данного реминисцентного имени. Фон, таким образом, составляют следующие ассоциативные ряды: кровожадность, разбойничество, страсть к наживе, стремление к власти.

Прежде, чем приступить к подробному рассмотрению поэтонима в проекции на смысловые доминанты структуры персонажа, приведем внутреннюю форму имени *Кудеяр*. Оним объясняется через тюркское посредство из персидского *χudāi* 'бог' и *yār* 'друг, возлюбленный' [Фасмер, 2, 400]. Следует сказать, что в тексте романа этимология имени не задействована, т. е. не получает в нем художественной нагрузки. Однако, имя *Кудеяр*, как уже отмечалось, отсутствует в современном русском антропонимиконе, оно непривычно для носителей русского языка в качестве личного имени, а это обстоятельство вкупе с фольклорным колоритом онима обостряет у читателя внимание к поискам внутренней формы имени и его словообразовательной модели⁵. Вполне естественно, что попытки их осмысления будут осуществляться русским читателем на базе русского языка, а не персидского, из которого заимствовано имя, так как реальная этимология онима реципиенту вряд ли известна. Таким образом, на место реальных, лингвистически достоверных, диктуемых словообразовательным уровнем исходной языковой системы связей собственного имени, приходят связи, конструируемые читателем. Это тем не менее не означает полной их произвольности, так как реципиент основывается на объективно заданной форме онима и на своей языковой компетенции, отражающей реальные закономерности функционирования русского языка. В связи с этим читателем антропоним может быть разложен на две основы: *куд-/куд'* и *яр-*. Такое членение антропонима, задающее ему новую внутреннюю форму и словообразовательную модель, опирается на определенные лингвистические основания. В русском языке тип образования существительных мужского рода с нулевым суффиксом посредством сложения двух основ (ср. *бурелом*, *глазомер*, *зверолов*, *краевед*, *однолюб*, *снегоход* и др.) обладает высокой продуктивностью [РГ-80, 2, 250–252]. Слово *Кудеяр*, таким образом, кажется вполне «обычным» сложным существительным, тем

⁵ В сущности, даже при знании прецедентного имени ничто не мешает читателю воспринимать и другие смыслы, продуцируемые литературным онимом, при условии, конечно, соответствующей поддержки их в тексте.

более что срединный гласный *e* рассматривается в этом случае как интерфикс, являющийся наиболее продуктивным в данном языке⁶. Как известно, среди личных имен славянского происхождения нередко встречаются двуосновные антропонимы с прозрачным значением входящих в них элементов: *Всеволод, Радимир, Святополк, Ярослав* и др. Следует также отметить, что обе выделенные основы литературного антропонима представлены в русском ономастике: *Кудес*⁷, *Яр, Ярило, Яромир, Ярополк, Ярослав* [Суперанская, 2003]. Наличие в нем, таким образом, структурно-семантических параллелей для имени *Кудеяр* приводит к тому, что оним выглядит вполне естественным номинативным образованием.

Первая основа поэтонима может быть ассоциативно соотнесена с литературными словами *кудесить* ‘проказничать, шалить, вытворять что-либо’ и *кудесник* ‘волшебник, колдун, волхв’ [БТСРЯ, 478], а также с диалектными лексемами того же корня *куд-*: ‘злой дух, бес, сатана; волхвованье, чернокнижье’, *кудесы* ‘чудеса посредством нечистой силы, чернокнижество, чары, волхвованье’ [Даль, 2, 212]. Эта ассоциативная связь не является исключительно формальной, находя поддержку также в денотате имени. Действительно, Кудеяр Кудеярыч обладает способностью воздействовать на других персонажей романа, его образ окружен ореолом исключительности и странности. Так, он единственный в художественном мире произведения, кому беспрекословно повинуются самые «норовистые» перерожденцы, причем это не связано с использованием Главным Санитаром угроз или применением физической силы для их запугивания и устрашения. Его воздействие основано на психо-

⁶ Конечно, возможны и другие трактовки морфемной структуры данного онима. К примеру, реципиентом могут быть выделены основа *Кудеј-* и формант *-ар* (графически *-яр*) (ср. *маляр, юбиляр, школяр, гусляр, дояр*). В то же время затруднительность нахождения языковых связей выделенной квазиосновы, которые служат для создания ассоциативного ореола онима (в отличие от основ, указанных выше), а также непродуктивность в русском языке модели образования существительных с суффиксом *-ар (-яр)* делают такую интерпретацию формы антропонима не слишком очевидной.

⁷ Помимо имени *Кудес* существовали и другие онимы с той же основой: *Кудак, Кудар, Кудат, Кудаш, Куден, Кудер, Кудикало, Кудим, Кудин, Кудич, Кудыш* и др. [см.: Баженова, 2006, 235–236]. Конечно, в настоящее время эти имена не употребляются, однако обилие их в древнерусском именнике, а также наличие в современном русском ономастике производных от них фамилий (типа *Кудимов, Кудинов, Кудашов*) позволяют предполагать, что хотя бы некоторые из них могут быть известны современному читателю или «восстановлены» им.

логическом, магическом влиянии на персонажей. Санитар с помощью некоей внутренней силы завораживает, «очаровывает» героев, заставляя их подчиниться своей воле. Подобным образом разворачиваются отношения Кудеяра Кудеярыча и с Бенедиктом. Впервые на страницах романа Главный Санитар появляется в сцене знакомства с будущим зятем, и уже при этой первой встрече Бенедикт чувствует особое воздействие его взгляда:

Запуршало, двери отворилися – и выходит Сам. Папенька Оленькин. Добра этого хозяин. Тесть будущий.

Заулыбался.

– А добро пожаловать. Ждем. Бенедикт Карпыч? А меня звать Кудеяр Кудеярович.

И смотрит. И Бенедикт смотрит, а сдвинуться не может – ноги будто к полу приросли.

Таким образом, сведения о магическом действии взгляда Кудеяра Кудеярыча и – шире – о необычности, загадочной природе героя оказываются в тексте первичной информацией о персонаже, предшествуя собственно описанию его внешности, и приобретают вследствие этого наибольшую значимость. Далее на протяжении повествования Главный Санитар постоянно заводит с Бенедиктом «странные» для высокопоставленного лица и нервирующие героя беседы о неудовлетворенности правлением Набольшего Мурзы, рекомендует читать книги, в которых описываются различные преступления, тем самым психологически воздействуя на героя и постепенно подготавливая того к узурпации власти и убийству Федора Кузьмича. Показательным является тот факт, что, совершив переворот, Кудеяр Кудеярыч издает специальный указ, в котором постановляет, «чтобы чародеям, ворожеям, зелейникам, обаянникам, кудесникам, сновидцам, звездочетам, ведунам, лихим бабам и тем, кто чакры открывает-закрывает, – ни-ни, ни Боженька мой, ни в коем разе не заниматься волхованием в частном порядке. Всем колдунам, а особо облакопрогонникам, считаться государевыми людьми и всегда спать в одежде в ожидании срочного вызова». Указанная ассоциативная связь, таким образом, поддерживается и лексически.

Вторая основа рассматриваемого поэтонима *яр-* представлена в широко употребительных литературных словах *яриться, яркий, ярость, ярый*, ср.:

Яриться, ярюсь, яришься; нсв. Разг. 1. Быть в состоянии ярости, сильного гнева, приходиться в ярость. 2. Бушевать (о стихиях).

Яркий, -ая, -ое; ярко, ярка, ярко; ярче; ярчайший. 1. Очень сильный, сияющий; ослепительный; излучающий сильный свет. // Наполненный светом, солнечный. 2. Отличающийся чистотой и концентрированностью тона, цвета. 3. Выразительный, производящий сильное впечатление; сильный, выдающийся в каком-либо отношении.

Ярость, -и, жс. 1. Сильный гнев, бешенство. 2. Необычная сила, интенсивность проявления чего-либо, осуществления какого-либо действия; неукротимость, неистовство.

Ярый, -ая, -ое; яр, яра, -о. 1. Испытывающий сильный гнев, озлобление; полный ярости, бешенства (о человеке, животном). // Выражающий ярость, бешенство, проникнутый яростью, бешенством. 2. Неукротимый, неистовый (о стихиях, явлениях природы). 3. Чрезмерный, крайний в своем проявлении, необычный по силе, интенсивности. 4. *только полн.* Страстно преданный кому-, чему-либо, убежденный в чем-либо, увлекающийся чем-либо [БТСРЯ, 1533–1534].

Бесспорно, не все значения данных слов используются для характеристики персонажа. Одни значения апеллятивов или их оттенки акцентированы в тексте, а другие отодвинуты на задний план, нейтрализованы, менее отчетливы и выразительны или вообще не задействованы. Так, обретают характеризующую значимость семантические оттенки слова *яркий* 'излучающий сильный свет' и 'сильный, выдающийся в каком-л. отношении'. Собственно, о реализации последнего из указанных оттенков косвенно уже говорилось. Кудеяр Кудеярыч действительно яркий, незаурядный персонаж в художественном мире романа: обладая административно-органазационными талантами (в отличие от большинства других жителей Федор-Кузьмичска), он занимает высокий пост Главного Санитара и в конечном итоге благодаря опять же своим исключительным волевым качествам совершает революцию и становится правителем городка. Первый из приведенных семантических оттенков апеллятива *яркий* также находит поддержку в денотате онима. Кудеяр Кудеярыч имеет отличительную особенность: он обладает способностью излучать глазами яркий свет. Уже при первом описании персонажа отмечается это свойство («А глаза у него круглые и желтые, как огнецы, и на дне глаз вроде как свет светится») и далее

подчеркивается на протяжении всего повествования. Испускаемый свет, в свою очередь, является внешним выражением, проявлением состояния героя, а именно внутреннего напряжения, часто негодования, гнева, ярости. И здесь получают художественную значимость первые значения слов *яриться*, *ярость* и *ярый*. В доказательство связи внутреннего состояния героя и его проявления приведем следующий фрагмент текста:

– Ах так?! А ну! – тесть рывком бросился через стол, роняя посуду, хватая Бенедикта цепкими, холодными руками за горло. – А ну, повтори! Повтори, говорю!!! Щас я тебя огнем-то...

И, натужив глаза, начал жечь Бенедикта желтым, холодноватым, царапающим пламенем.

Следует отметить, что свет, испускаемый Кудеяром, является направленным (подтверждением этому, например, является использование переходного глагола *жечь*), воздействующим (он – проявление магической силы персонажа, его кудесничества) и появляющимся по воле героя.

Выше мы описали смыслообразующий потенциал (и его реализацию в тексте) литературного онима *Кудеяр* (т. е. собственно имени), не беря во внимание структурную модель в общем, включающую в себя личное имя (*Кудеяр*), отчество (*Кудеярыч*) и ситуативно используемую фамилию (*Кудеяров*). Вместе с тем прагматические условия употребления данной номинативной единицы с учетом всех компонентов ее структуры требуют, на наш взгляд, особого внимания.

В преобладающем большинстве случаев (15 употреблений из 18) оним выступает в тексте в двухкомпонентном составе *имя – отчество*. Такое двучленное наименование указывает в художественном мире на социальный статус называемого лица. Действительно, все персонажи, занимающие в городке высокое общественное положение, имеют отчество: это и Набольший Мурза Федор Кузьмич, и бывший правитель Сергей Сергеевич, и Главный Истопник Никита Иванович, и мурза Шакал Демьяныч и, безусловно, Главный Санитар Кудеяр Кудеярыч. Другие же герои либо вовсе не имеют отчества, либо при возникновении номинативной ситуации образуют его с помощью форманта *-ов* (*Бенедикт Карпов*). Такая картина вполне соответствует прежним нормам употребления этого второго компонента антропонимации: отчествами с суффиксами *-ов-ич*, *-ев-ич*, *-ич* в XV–XVI вв. «именовались только

представители господствующего класса эпохи феодализма и централизованного русского государства» [Чичагов, 1959, 51].

Нужно сказать, что все отчества, персонажей романа (в том числе и Главного Санитара) представлены в синкопированном виде: они теряют безударный слог *-ов/-ев*. В реальном использовании такой тип отчеств ограничен сферой разговорной речи. Подобное употребление данного элемента антропонимической формулы в произведении вполне объяснимо. Сказовый тип повествования, принятый автором, строится в соответствии с нормами разговорной речи, и использование синкопированного отчества соответствует этим нормам.

Единственный раз в тексте произведения второй компонент исследуемой номинации дан в полном виде при представлении героя будущему зятю Бенедикту (см. выше). Употребление полного отчества, таким образом, обусловлено ситуацией знакомства. Полное отчество используется в дискурсе самого Главного Санитара, что говорит о желании персонажа подчеркнуть важность своей фигуры, сфокусировать внимание на своем высоком социальном статусе. Примечательно, что отчество своего собеседника персонаж поизносит в синкопированной форме. Кроме того, предшествующий контекст онима формирует (в том числе средствами разговорной речи) атмосферу показной доброжелательности, радушия, с которым принимают будущего зятя родители Оленьки и которое слегка нарушается введением в текст полной формы отчества. Контраст стиливых регистров, смена интонации, таким образом, сохраняют и подчеркивают изначальную дистанцию между героями. Акцент на этой дистанции сознательно делается Санитаром, использующим при именовании гостя синкопированное отчество.

Трудно не заметить, что отчество и фамилия Главного Санитара имеют ту же основу, что и его личное имя. Троекратное использование антропонимной основы в рамках одной номинативной единицы манифестирует утроенность качеств персонажа. Смыслы, извлекаемые читателем из личного имени, и формируемая благодаря этим смыслам характеристика героя поддерживаются и усиливаются с помощью повтора означającego первого компонента онима в остальных двух членах его структуры. Такой прием «дублирования» имени имеет широкую литературную традицию и нередко используется в художественных произведениях именно в целях акцентирования свойств, качеств персонажей, их внутренней сущности: *Акакий Акакиевич (Башимачкин), Илья*

Ильич (Обломов), Фома Фомич (Опискин) и др. Троекратным использованием одной основы подчеркиваются, усиливаются, таким образом, все выявленные выше смыслы: связь персонажа с разбойником Кудеяром, его способность воздействовать на других героев романа, яркость, необычность, высокое социальное положение.

Исследование смыслообразующего потенциала онимов романа не завершено и должно быть продолжено. Для интерпретации произведения, более глубокого его прочтения важно рассмотреть все максимально возможные эстетические смыслы, заложенные в литературные онимы и участвующие в формировании концептуального плана романа. Как известно, одна из важнейших черт художественного текста – неисчерпаемость его интерпретаций, в том числе и научных. Это в полной мере относится и к данному произведению, и к его ономастике – объекту нашего исследования.

Е. Н. Иванова

Антропонимы в письмах и распоряжениях А. Н. Демидова

Формирование современных моделей именования людей и вариантов имен связано с историей русского языка. Одним из интенсивных периодов в образовании русских фамилий считается XVIII в. [см. об этом: Селищев, 1968, 97]. Этот процесс был длительным, и раскрытие его особенностей требует от исследователей языка привлечения разнообразного материала. Большой пласт источников составляют переписные книги, сводные ведомости, регистры. В. В. Палагина подробно изучала функционирование трехкомпонентных антропонимических структур (имя + отчество + фамилия) и их вариантов на материале деловых документов XVII в. [см.: Палагина, 1976]. Аналогичных работ по XVIII в. пока нет. Между тем деловые документы этого периода предоставляют исследователю богатые возможности изучения особенностей бытования различных форм личных имен.